

Ю. А. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ,

доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член Специального ученого совета Российского института истории искусства, художественный руководитель Санкт-Петербургского театра "Суббота"

ИСКУССТВО—НЕ-ИСКУССТВО В МИРЕ-РЫНКЕ

Для данного сообщения применим способ "письма". Понятие "письмо" позволяет ограничиться произвольной цепочкой наблюдений и вопрошаний, эмоциональными жестами указаний в стороны разнородных элементов — идей, явлений, поразивших наше воображение парадоксов и прочее. Удобство такого подхода объяснимо: мы освобождаем себя от строгого анализа и разрешающей определенности, ведущих подчас к претенциозности и категоризму. Но и в нашем "письме" автор все же не застрахован от последних. Современное сознание открывает для себя мир как бы заново; вводятся новые измерения, заявляют о себе радикальные, "крутые" научные парадигмы, но, увы, при этом все происходит в отсутствие терминологического консенсуса, в ситуации бесконечных перемен смысла и объема понятий. Все это и побуждает обратиться к непритязательной методе разговора.

1. Итак, бизнес и искусство. В глубинном смысле это две противостоящие, разнородные и несоизмеримые реальности. В литературе уже проговаривалась ситуация опасного противоречия между ценностями в индустриальной системе координат и ценностями социокультурных сфер, таких, как, например, искусство.

Движение “частиц” разнонаправленное. Когда же возникают касания капитала и настоящего искусства, то не остается полной уверенности, что это закономерность. Напротив, плотные взаимодействия с не-искусством не случайны.

Прагматическое мышление бизнесмена ничуть не мешает ему понять и оценить подлинное произведение искусства, бескорыстно способствовать развитию художеств. Но настоящий бизнесмен никогда не поймет предельного основания мышления артиста, отчего тот (как когда-то заметил русский философ Федор Степун) никогда не согласится надеть корону короля, вместо того, чтобы сыграть короля.

Вкрадывается предположение: по своему мировосприятию бизнесмен комфортнее ощущает себя, когда имеет дело с наукой, и невольно, не по злему умыслу, часто оказывается причиной того, что разного рода технократические проекты подавляют гуманитарную сферу.

Но не следует опережать собственную мысль, мы только в начале драмы жизни, разыгрываемой человечеством, и просмотрели только первый акт представления с непредсказуемым финалом. Дальше.

2. Но что же означает это настоящее искусство? Открывая заново мир, научное познание в конце второго тысячелетия с известным удивлением обнаруживает, что в обновлении картины мира применимы оказываются принципы не только научного, но и художественного творчества. “Можно говорить, — замечают исследователи, — о суперпозиции рационального и чувственного восприятия мира при опоре не только на знания, но и на интуицию, опыт, чувство прекрасного” (Михайловский В. Н., Светов Ю. И. Научная картина мира: архитетоника, модели, информатизация. СПб., 1993. С. 27). Заметим, что речь идет именно о научной картине мира (в отличие от имеющего хождение понятия “художественной картины мира”). Добавим, что интуиция, опыт и чувство прекрасного, эстетическое начало пронизывают, как известно, все сферы деятельности, однако не является ли художественность той сферой, той единственной областью, в которой интуиция оказывается “в своей специфике”, наиболее полно реализуется в своей всеобщности, схватывая ее синтетизм (целостное усмотрение)? Академику РАН Е. Л. Фейнбергу принадлежит справедливое утверждение своеобразного “паритета авторитетов” научного и интуитивного суждения. Ученый констатирует континуум, совместимость науки и искусства, искусства и религии, при этом суперфункцию искусства он видит в методе укрепления доверия к интуитивным суждениям, недоказуемым и неопровержимым дискурсивно.

Иными словами, все определеннее тайна искусства обретает свою легитимность для строгой науки, воспринимается не как стертое красивое выражение, но как рабочий термин, обозначающий фундаментальный признак настоящего искусства.

В ряде культурфилософских трудов искусство рассматривается в контексте принадлежности чувствований одновременно к бытию и сознанию человека.

Синергетические подходы к мироустройству позволяют также утверждать, что художественное мышление “наделено” изначально нелинейностью, сложностью как система. Художественная форма относительно устойчивое состояние в динамическом хаосе. Но ее положение зыбкое, пульсирующее. Форма как бы постоянно теряет равновесие, готова к неожиданным и множественным преобразованиям, ее движение разнонаправленно. В указанной особенности таится и ответ на вопрос о том, что собой представляют отмечаемые в “большой истории” переходы искусства в не-искусство и обратно. По аналогии с хаосом, культурная “Вселенная” также содержит как устойчивые формы художественности (скажем, шедевры), так и околохудожественные частицы, псевдохудожественные “имитации”, клетки, протофеномены. Имеются и автономные области “линейного” в необъятном пространстве (среде) сложного.

3. От объяснения природы искусства, доверия к его авторитету как одной из основных форм познания-общения, следующий шаг: признание вообще мышления человека в принципе как художественного.

Вероятно, именно художественное — та форма жизни, в которой поселяется дух. Н. А. Бердяев замечал — произойдет “подчинение техники духу” (Барабанов Е. В. Предисловие к публикации

статьи Н. А. Бердяева “Человек и машина” // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147). Впрочем, о красоте, которая спасет мир, мы говорим уже давно согласованным хором. Перефразируя философа, можно завершить нашу трехчастную пьесу словами: “Произойдет подчинение бизнеса искусству”.